

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

2-й экз.

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ВМФ

СТОЙКОСТЬ, МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ ЗАЩИТНИКОВ СЕВАСТОПОЛЯ СЛУЖАТ ПРИМЕРОМ ДЛЯ ВСЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ФЛОТА И ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА, ВДОХНОВЛЯЮТ КРАСНОФЛОТЦЕВ, КОМАНДИРОВ И ПОЛИТРАБОТНИКОВ НА ГЕРОИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ НЕНАВИСТНЫХ ОККУПАНТОВ.

№ 12—13

1942

ИЗДАНИЕ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РК ВМФ

Севастополь

Академик Е. ТАРЛЕ

Второй раз в истории России героический город озаряется блеском мировой славы.

«Севастополь оказался вполне достойным своей великой исторической традиции!» — восхищенно заявляла английская печать, оценивая сева-стопольскую оборону. Не было, кажется, ни одной лондонской газе-ты, где в июне 1942 г. не повторялась бы в самых разнообразных фор-мах эта мысль. Наши союзники не только теперь, но уже с дав-них пор, как только замолкли последние выстрелы Крымской войны 1854—1855 гг., не переставали рыцарски отдавать должное русским ге-роям, отстаивавшим родную землю. И черноморские, и балтийские моря-ки особенно восхищали их. «Поймите, что русские морские артиллери-сты стреляют гораздо лучше английских!» — говорил и писал не только во время Крымской войны, но и после нее английский адмирал сэр Чарльз Непир, который после заключения мира сейчас же поехал в Кронштадт специально с целью выразить русским морякам свое глубо-кое уважение и теплую симпатию.

История уже давно ответила на вопрос: напрасно ли столько вре-мени жил Севастополь под градом бомб в 1854—1855 гг. Когда в 1856 г. окончился в Париже мирный Конгресс, и некоторые шовинисти-ческие газеты Франции выражали разочарование и неудовольствие по тому поводу, что Россия, в конце концов, отделалась совершенно нич-тожными уступками, — то во французской же прессе был дан должный отпор этим шовинистам: «Да, во время переговоров противники в очень многом пошли навстречу русскому представителю на мирном Конгрессе графу Орлову, потому что рядом с Орловым за столом сидела тень Нахимова, вышедшая из своей кровавой сева-стопольской могилы!»

Другими словами: героическая оборона Севастополя вознесла воен-ную репутацию русского народа, русских вооруженных сил на такую высоту, что противники предпочли отказаться от многих своих претен-зий, лишь бы заключить с Россией в самом деле прочный мир. Доста-точно вспомнить, что один из главных зачинщиков войны 1854—1855 гг., французский император Наполеон III прямо заявил в марте 1856 г., как только мир был подписан: «Я хочу войти в союз и в тесную дружбу с Россией!»

И вот теперь, на наших глазах, только что закончилась другая, еще более великая севастопольская эпопея: на этот раз совершенно от-резанный с суши от страны город держался под адским огнем са-

рых сильных современных орудий двести пятьдесят дней, приковывая к себе громадные неприятельские силы, беспощадно перемалывая одну дивизию немецких полчищ за другой, превращая одну вражескую батарею за другой, один эшелон танков за другим в бесформенную кучу металлического лома.

Правда, на этот раз черноморские моряки — «нахимовские внуки» — оказались в лучшем положении, чем был их великий «дед», потому что верховное руководство обороны нашей страны сделало все, что только было при данных условиях в силах человеческих, чтобы оснастить защиту Севастополя как можно лучше и полнее. Но и задача отстояния крепости была теперь, при современных тактических порядках и технике, несоизмеримо труднее, чем прежде, когда авиация не существовала, а артиллерийские орудия не достигали нынешних калибров.

Изматывание трехсоттысячной армии, из которой добрая половина осталась навеки в сырой крымской земле, нанесло тягчайший удар всем планам врага. Конечно, он этого не захочет признать, он попытается, по своему обычаю, утопить этот неприятный акт в потоках наглого вранья. Ведь доведенный до скотоподобья немецкий обыватель съест любой глупейший геббельсовский вздор столь же покорно, как он ест деревянные опилки, которые ему велят считать хлебом, и картофельную шелуху, которую ему с жаром рекомендуют за ее поразительно питательные свойства.

Но, как известно, факты упрямая вещь: летнее наступление немцев явно срывается. Они могут взять еще те или иные населенные пункты, продвинуться еще на столько-то и столько-то километров, но германский штаб понимает, как важно было бы для поддержания наступательного порыва иметь еще в дополнение к оперирующей на воронежских путях армии вот эти полуистребленные, полуизмотанные десятки и десятки дивизий, потраченных на Севастополь.

Немцы постараются замолчать этот факт, и не от них, конечно, можно ждать сколько-нибудь справедливой оценки русского подвига в Севастополе. Севастопольские герои 1854—1855 гг. боролись против врага цивилизованного, имевшего представления о воинской чести, о благородном, гуманном отношении к неприятелю, о том, что жизнь пленника священна. А севастопольские герои 1941—1942 гг. имели перед собой скопище озверелых мерзавцев, выкалывающих пленным глаза, закапывающих детей живыми в землю, угоняющих русских девушек и женщин в публичные дома. От этих ли гнуснейших презренных гадов ждать беспристрастия, уважения к чужой доблести?

Нет, нынешнему Севастополю достаточно восторженного и благодарного признания со стороны народов СССР и всех свободолюбивых наций, которые, затаив дыхание, следят за всеми событиями гигантской борьбы и делают все возможное для разгрома фашизма. А с кровавым зверьем, с подлыми извергами, позорящими род человеческий самым фактом своего существования, разговор может быть только один — тот самый, который вели с ними двести пятьдесят дней севастопольцы и который продолжают с ним вести наша славная армия, флот и авиация.

Этот разговор будет вестись с ними до их полного уничтожения, вплоть до водружения осинового кола на их бесславной могиле.